

ЧИБИСОВ Борис Игоревич, ассистент кафедры теологии Тверского государственного университета*

«ЛОПСКОЕ» НАСЕЛЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI века¹

Важным источником по истории лопарского населения Новгородской земли являются грамоты великого князя Василия Ивановича, датированные июлем 7025 (1517) года. Указанные грамоты связаны с регулированием сбора дани в Лопской земле, которая географически относится к Кольскому полуострову и небольшой части Скандинавского полуострова. Среди населения Лопской земли упоминаются преимущественно лопари. К началу XVI века Лопская земля была разделена на погосты, а население выплачивало налоги в соответствии с записями в писцовых книгах. Грамоты ограничивали действия данщиков при сборе дани: им было запрещено привозить свои товары для продажи в Лопской земле, ловить рыбу и охотиться в угодьях лопарей, а также использовать принадлежавших лопарям лошадей и средства передвижения. Ограничение на пользование лопарскими угодьями было связано, видимо, с ростом земельных владений славян и карелов на Беломорье и Кольском полуострове, о чем свидетельствуют актывые материалы Оболенья XV века. Комплекс лингвистических, археологических и этнографических источников позволяет говорить о том, что за термином «лопь», фиксируемом в средневековых источниках, стояла конкретная этническая группа – саамы. Существовало разделение на «лешую» и «дикую» лопь: первая населяла территории, по которым протекали реки беломорского бассейна, вторая проживала на Кольском полуострове. Кроме того, понятие «лопь» применялось для обозначения не только этнической группы, но и территории бассейна беломорских рек, освоенной саамами.

Ключевые слова: Новгородская земля, Лопская земля, прибалтийско-финские народы, межэтнические взаимоотношения, саамы, лопь, лопари, писцовые книги.

В русских источниках XV–XVI веков предметом дискуссий. Целью настоящей работы является выяснение этнической принадлежности средневековой лопи. Теоретическая

¹Работа написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект «Этническое взаимодействие и становление древнерусской государственности (IX – первая треть XIII в.)»).

*Адрес: 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 24; e-mail: Chibisov.BI@tversu.ru

Для цитирования: Чибисов Б.И. «Лопское» население Новгородской земли в XV – первой трети XVI века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 4. С. 26–35. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.26

и практическая значимость данного исследования заключается в том, что в нем этническая характеристика лопи строится на комплексе письменных, лингвистических и археологических источников. Полученные результаты могут быть использованы для характеристики этнической картины средневековой Руси.

Согласно традиционной точке зрения, представленной в работах Г.М. Керта, И.А. Кюршуновой² и А.Ю. Жукова, «лопь» древнерусских источников отождествляется с саамами [1–4]. М.М. Шахнович высказывает сомнение, что возможно а priori отождествлять «лопь» письменных источников XIV–XVI веков и саамов. Во-первых, еще Р.Б. Мюллер обращала внимание на неясность употребления термина «лопь» и считала, что под лопью понимается население карельского Поморья и Лопских погостов, относящееся главным образом к карельскому этносу [5, с. 82]. Во-вторых, существование саамских археологических памятников на территории южной и центральной Финляндии и южной Карелии только предполагается. На территории России до конца XX века целенаправленных археологических работ по поиску саамской культуры практически не проводилось [6, с. 228–229]. И.И. Муллонен высказала тезис о том, что применительно к XV–XVI векам термин «лопь» мог иметь не этнический, а географический характер, поскольку слово *lappe* означало «глухое, отдаленное место, край» [7, с. 14]. Таким образом, отождествление лопи и саамов в историографии подвергается сомнению.

Исходя из столь неоднозначной историографической ситуации, необходимо проанализировать все существующие упоминания лопи в русских средневековых источниках. Наиболее надежны в плане этнической идентификации лопи те свидетельства, что содержат упоминания географических названий.

Важным источником по истории лопарского населения Новгородской земли являются 4 грамоты великого князя Василия Ивановича, датированные июлем 7025 (1517) года и сохранившиеся в переводе на датский язык. В небольших по размеру грамотах № 1 и 4 рассматривается вопрос о морских промыслах на побережье Кольского полуострова, в грамотах № 2 и 3 («наказных памятях»), значительно больших по размеру, даны конкретные указания великого князя по сбору дани с лопарей. В инструкциях определяется, какие погосты и в каком порядке должны объезжать русские сборщики дани, указываются лопарские селения и принадлежащие им угодья, объясняется, с кого и в каком размере следует взимать дань на Кольском полуострове, а также как вести себя сборщикам дани в отдельных случаях при контактах с лопарями³. Интерпретацию грамот затрудняет то, что оригинальные топонимы Кольского полуострова, упоминающиеся в них, были переведены на датский язык, что привело к искажению их формы. В некоторых случаях переводчики и издатели грамот оставляли топонимы непереведенными на современный русский язык. Зачастую это осложняет поиск исторической или современной формы топонимов.

Тексты грамот свидетельствуют о том, что Василий Иванович «милостиво пожаловал» лопарям определенные земли, а именно: «...их морской берег от Палиц-реки – Пасвиг, и до Умбуш – Умбо на этом их морском берегу»⁴. Грамота № 4 говорит о передаче лопарям Терских и Ловозерских угодий. Гидроним *Пасвиг* (*Pasvig*), вероятно, связан с норвежским названием реки *Pasvikelva*, которая протекает в западной части Кольского полуострова на современной русско-норвежской границе. Под *Умбо* следует понимать гидроним *Умба*: эта река протекает из центральной части Кольского полуострова на юг

²Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. С. 313.

³Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26. С. 125–135.

⁴Там же. С. 135.

и впадает в Белое море. Терские угодья были связаны с топонимом *Терский наволок*, известным по русским источникам XV века⁵. *Терский наволок* располагался на южном побережье Кольского полуострова – там, где сейчас известен топоним *Терский берег*, обозначающий юго-восточный берег Кольского полуострова от устья р. Варзуги до мыса Святой Нос. Ловозерские угодья находились в центральной части Кольского полуострова: именно там известен гидроним *Ловозеро*. Таким образом, переданные лопарям земли включали в себя северное, восточное и часть южного побережья Кольского полуострова. В целом данная территория именуется в грамотах *Лопской землей*⁶.

Грамоты № 3 и 4 содержат подробные указания великого князя сборщикам дани. Вероятно, к 1517 году население Кольского полуострова было подвергнуто переписи, т. к. сборщики должны были собирать дань «в соответствии с записью в книгах»⁷. Известно, что сборщиков было 2 человека: первый должен был отправиться «в Кандалакшу и в Бабинец, и в Ловозеро, и в Санналь, и в Пасреки, и в Нафдаум, и в Верхние Нядри, и в Волгюрку, и в Варяги, и в Северный конец». Второй сборщик отправлялся «на Варсугур-конец, и на Терский конец, и на Лофозеро, и в Колдал, и в Умбу»⁸. Кандалакша была поселением, где начинался и заканчивался объезд территории кольских погостов первым данщиком, поскольку погост находился на юго-западном побережье Кольского полуострова. Название погоста имеет карельское происхождение – *Kandalakši*. Перед отъездом данщика из Кандалакши лопари были обязаны дать ему подношение⁹.

После Кандалакши путь первого данщика лежал на север, через Бабинец, или Бабинский погост. Этот топоним представляет собой кальку,

т. е. полный перевод с саамского языка на русский, т. к. название погоста *Ahkel-sijit* происходит от саамского слова *ahhk* («жена, баба») [8, с. 58]. К северо-востоку от Бабинского погоста находился Ловозерский погост (саам. *Luj-jaur-sijit*) [8, с. 59], расположенный у оз. Ловозеро, в центральной части Кольского полуострова. Далее сборщик дани отправлялся на север и северо-запад, о чем свидетельствуют названия погостов *Северный конец*, *Варяги* и *Пасрека*. Гидроним *Пасрека* географически относится к северо-западной части Кольского полуострова и коррелирует с норвежским названием уже упомянутой выше реки *Пасвиг*. Названия погостов *Варяги* и *Северный конец* свидетельствуют о контактах местного населения с норвежцами. Погост *Северный конец*, упомянутый в грамоте № 4, в грамоте № 3 назван *Норвежским концом*. Вполне возможно, что в оригинальном древнерусском тексте использовалось название *Мурманский конец*. Известно, что северное побережье Кольского полуострова еще в начале XX века именовалось *Мурманом* и *Мурманским берегом*¹⁰.

Целый ряд названий определяется с трудом: *Konddax*, *Neiden*, *Losett*, *Sonjeld*, *Pazankov*, *Biochi*. Возможно, что топоним *Konddax* – искаженное название *Kondsash*, образованное от саамского слова *konde* («дикий олень») [8, с. 49]. Топоним *Neiden* может быть отождествлен с *Нейденем*, поселением в северо-восточной части Скандинавского полуострова, которое в настоящее время относится к территории Норвегии. Таким образом, первый данщик собирал дань с лопарей, проживавших в западной и северо-западной частях Кольского полуострова.

Второй данщик отправлялся «на Варсугур-конец, и на Терский конец, и на Лофозеро и в

⁵ГВНП (Грамоты Великого Новгорода и Пскова). М.; Л., 1949. С. 246.

⁶Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Указ. соч. С. 131.

⁷Там же. С. 129.

⁸Там же. С. 132.

⁹Там же. С. 130.

¹⁰Мурман // Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. 16. С. 481.

Колдал, и в Умбу»¹¹. Топоним *Варсугур-конец* следует интерпретировать, очевидно, как *Варзуга*. Название погоста *Варзуга* имеет саамское происхождение (*Viersij-sijit*) и соотносится с р. Варзугой, которая протекает, как и р. Умба, из центральной части Кольского полуострова на юг и впадает в Белое море. Гидроним и название погоста *Умба* также имеют саамское происхождение – *umr* («закрытый») [8, с. 60, 123]. Следовательно, путь второго сборщика начинался в Варзуге – погосте на южном побережье Кольского полуострова. С трудом поддается интерпретации название *Колдал*. По мнению издателей, здесь подразумевается Кольская долина¹². Второй сборщик дани, как и первый, заезжал также в Ловозерский погост.

Наконец, в грамотах упоминается *Терский погост/Терский конец*. Его название имеет саамское происхождение – *Tarj-sijit* [8, с. 60]. Название погоста происходит от топонима *Терский наволок*¹³. В XII–XV веках в новгородских источниках упоминается волость *Тре*, или *Терь/Тирь*. Под 1216 годом в Новгородской I летописи находим упоминание Симеона Петриловича, «търскаго данника», т. е. сборщика даней¹⁴. Это говорит о том, что население Терской волости уже в первой четверти XIII века облагалось сборами в пользу Великого Новгорода. В договорах с князьями Великий Новгород периодически подтверждал свои права на владение волостью. Об этом сказано в договорах Великого Новгорода с князьями Ярославом Ярославичем (1264, 1266 и 1270 годы), Михаилом Ярославичем (1304–1305, 1307–1308 годы), Александром Михайловичем (1326–1327 годы), Михаилом Александровичем (1371 год), Василием Васильевичем (1435 и 1456 годы) и Иваном

Васильевичем (1471 год)¹⁵. Аналогичное право Великого Новгорода на волость Тре подтверждалось в проекте договора с Казимиром IV от 1471 года¹⁶.

Таким образом, можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, грамоты связаны с регулированием сбора дани в Лопской земле, которая географически относится к Кольскому полуострову и небольшой части Скандинавского полуострова. Во-вторых, среди населения Лопской земли упоминаются преимущественно лопари. Возможно, данный этноним выглядел в древнерусском оригинале грамот как «лопь». В-третьих, Лопская земля была разделена на погосты, а население выплачивало налоги в соответствии с записями в писцовых книгах.

Наконец, грамоты ограничили действия данщиков при сборе дани. Так, им было запрещено привозить свои товары для продажи в Лопской земле, ловить рыбу и охотиться в угодьях лопарей, а также использовать лошадей и средства передвижения, принадлежавшие лопарям. Помимо данщиков ловить рыбу на побережье и охотиться в угодьях лопарей не имели права «ни карелы, ни новгородцы, шведы или кто-либо иной чужак»¹⁷. Примечательно, что грамота разделяет карелов и новгородцев: видимо, под новгородцами понималось славянское население Новгородской земли, и в особенности Великого Новгорода.

Ограничение на пользование лопарскими угодьями связано, видимо, с ростом земельных владений славян и карелов на Беломорье и Кольском полуострове, о чем свидетельствуют грамоты Обонежья XV века. Так, в 1466/1467 году Тимофей Ермолинич передал Соловецкому монастырю свои земельные участки, расположенные

---

¹¹ Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Указ. соч. С. 132.

¹² Там же.

¹³ ГВНП. С. 246.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 57.

¹⁵ ГВНП. С. 9, 11, 12, 15, 17, 20, 22, 27, 29, 35, 40, 47.

¹⁶ Там же. С. 132.

¹⁷ Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Указ. соч. С. 129.

на реках Умба и Варзуга¹⁸. В 1480-х годах в пользу Соловецкого монастыря были переданы владения некоего Ульяна Петрова, располагавшиеся «в Умбе реке, и в Варзуге реке, по морскому берегу и по рекам, по Терскому наволоку»¹⁹.

Грамоты говорят о присутствии на Терском берегу карелов. В районе рек Умбы и Варзуги находились участки «детей корельских» Нестора Ивановича и Федора Ивановича. В 1480-х годах эти участки были также переданы Соловецкому монастырю²⁰. Ранее, в 1419 году, норвежцы на кораблях совершили нападение на ряд северных погостов, в числе которых был «в Варзуге погость Корельский»²¹. Летописное известие подтверждается археологическими исследованиями. Раскопки с. Варзуга показали, что в начале XV века во время пожара здесь были разрушены укрепление и церковь [9, с. 194]. Кроме того, антропологический тип, выявленный на позднесредневековых материалах краниологических выборок карелов и выделяющийся узнаваемым комплексом признаков, в наибольшей степени сближается с характеристиками как мужской, так и женской выборок из Варзуги [9, с. 201]. Таким образом, на Кольском полуострове находились земельные владения славян и карелов, которые, видимо, активно пользовались угодыями лопарей. В 1517 году грамоты ограничили эту возможность.

Дискуссию в историографии вызывают упоминания лопи в грамотах Обонежья XV века. В этом случае важно привлечь и проанализировать все имеющиеся упоминания лопи в данных источниках. В конце 40-х – начале 50-х годов XV века Ховра Васильева из карельского рода

Рокульцев продала земельные участки новгородскому посаднику Дмитрию Васильевичу. В грамоте отмечено, что «по лешим озером еи отцина, в лешей лопи еи уцасток». Отец Ховры, Василий Кокуй, владел «землею страдомою, и водою, и полешимъ лесомъ, и лопью»²². Здесь понятие «лопь» стоит в ряду территорий и различных угодий, что позволяет усматривать в данном понятии территориальное значение, которое косвенно связано с лопью как этносом.

Аналогичное значение прослеживается и в других грамотах. В 1470-х годах некий Кирилл с детьми купил у Макария «землю и воду, и лесъ полешеи, и лопь, и землю страдомую, и ловища, и пожни»²³. К этому же времени относится «данная» грамота Федосьи Харитоновой жены Соловецкому монастырю на участки своего мужа, куда входили «лесъ полешеи, и лопь, страдомая земля, и ловища, и пожни»²⁴. Тогда же Клим и Иван Михайловы передали Соловецкому монастырю «по всемъ рекамъ морскимъ и на лопе землю и воду, и полешии лесъ, и пожни, и ловища»²⁵. К 1460–1480-м годам относится «данная» грамота Матвея Ильина Соловецкому монастырю на земельные участки Олены Оравановой, находившиеся «на лопи»²⁶. Во всех перечисленных случаях понятие «лопь» имеет территориальное значение и используется для характеристики местности.

По всей видимости, отличием этой местности было то, что там действительно проживали представители лопи. Грамоты свидетельствуют, что к середине XV века у карельских землевладельцев, выступающих в источниках под именем «корельских детей», сложилась практика

¹⁸ГВНП. С. 242.

¹⁹Там же. С. 246.

²⁰Там же.

²¹ПСРЛ (Полн. собр. рус. летописей). Т. 4, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 426.

²²ГВНП. С. 291.

²³Там же. С. 295.

²⁴ГВНП. С. 296.

²⁵Там же. С. 297.

²⁶Там же. С. 307.

«в лопь ходити и празгу имати», т. е. взимать натуральный/денежный оброк с лопи за пользование землями и угодьями, принадлежавшими «корельским детям». Так, в конце 40-х – 50-х годах XV века Юрий Каргуев продал Ивану Аввакумову несколько земельных участков, так что последнему разрешалось «на декои лопи до Тирьского наволока торговати... и празга ему емати»²⁷. На рубеже 60–70-х годов XV века Павел, Иван и Борис купили у Бориса Калтоева «землю и воду, и в лопь ходити, и празгу имати, участок Парандоевъ»²⁸. Во второй половине 70-х годов Григорий Иванович завещал Соловецкому монастырю свою вотчину, куда входили «по морскому берегу и земля и вода, и лес полешеи, и пожни, и ловища, и на лопи между пятиа роды, куды ходять корельский дети»²⁹.

Можно предположить, что «корельские дети» осуществляли подобные сборы не только в свою пользу, но и для новгородской казны. В этом случае некоторые представления о даннических взаимоотношениях по модели «славянский центр – финно-угорская периферия» [10] не совсем корректны. Если предположение верно, то в XV веке существовала многоступенчатая практика сборов с прибалтийско-финских этносов, а сами их представители были включены в фискальную систему Новгорода не только в качестве данников, но и собирателей сборов. Владения «детей корельских» находились на реках Воньга, Выг, Кемь, Шуя и Сорока, т. е. в бассейне Белого моря. Вероятно, именно на этих территориях проживала лопь. По всей видимости, практика частных поборов с лопи запрещается именно грамотами 1517 года. В них устанавливалось, что лопари были обязаны выплачивать фиксированные

налоги в пользу великого князя согласно записям в писцовых книгах.

Для локализации лопи важны летописные свидетельства. Под 1396 годом в Софийской I летописи младшего извода лопь упоминается среди народов, проживавших в районе Перми³⁰. В 1526 году к великому князю Василию Ивановичу приезжали «Поморцы и Лопари с моря окияна, ис Кандолжской губе, усть Невы реки, из дикои Лопи» с просьбой прислать священников и антиминсы. Новгородский архиепископ Макарий отправил к ним священников и диаконов³¹. Таким образом, среди мест, где проживала лопь, упомянуты Кандалакша (т. е. юго-западное побережье Кольского полуострова) и устье р. Невы. Летопись упоминает «дикую лопь», однако известно, что существовала также «лешая лопь». В 1504 году в завещании великого князя Ивана Васильевича говорилось: «Да сына же своего Василья благословляю своею отчиною, великим княжением Новгородским <...> Да в Новгородской ж земле даю ему <...> Корельскую землю всю, Корельской город с волостями, и с погосты, и со всеми пошлинами, со всем тем, что х Корельской земле потягло, и с Лопью с Лешею, и с Дикою Лопью»³². По мнению А.Ю. Жукова, «дикая лопь» – это саамы, кочевавшие в глубине Кольского полуострова и на Терском берегу. «Лешая лопь», соответственно, проживала в лесах на севере Корельского уезда и в бассейне рек Белого моря [4, с. 313]. В грамотах Обонежья как раз упоминается «лешая лопь».

События, связанные с крещением лопи, отражены в текстах Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского и Новгородской Большаковской летописи. Новгородская летопись

²⁷ГВНП. С. 309.

²⁸Там же. С. 308.

²⁹Там же. С. 312.

³⁰ПСРЛ. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. С. 250.

³¹Там же. Т. 4, ч. 1. С. 542.

³²Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства: XIV–XV вв. М., 1955. С. 269.

по списку Дубровского сообщает, что зимой 1531/1532 года «лопляне с Мурманского моря с Колы реки с Тутоломи» просили антиминсы и священников у архиепископа Макария. Новгородская Большаковская летопись датирует это событие 1530/1531 годом³³. Крещение 60 чел. лопарей было совершено в период Филиппова поста «за Святым Носомъ», т. е. на восточном побережье Кольского полуострова. Событие можно отнести с высокой долей вероятности к декабрю 1531 года. С крещением лопарей связано послание новгородского архиепископа Феоодосия «к новопросвещенным лопяном и иже по них хотящим веровати в Святую Единосущную Троицу». Наиболее ранний список послания находится в сборнике Российской национальной библиотеки (Солов. 860/970), который датируется временем настоятельства игумена Исидора в Соловецком монастыре (1597–1603) [11, с. 154]. Послание носит богословско-дидактический характер – лопь упоминается лишь в его заголовке.

Учитывая единичные летописные упоминания лопи, следует обратить внимание на статью под 6000 годом в Новгородской Большаковской летописи. Статья содержит сюжет, связанный с призыванием варягов: «Приидоша рус, словени, чуд, лопь, кривичи к варягом и испросиша себе у них властелей»³⁴. Попадание лопи в текст летописи 40-х годов XVI века тесно связано с контактами Новгорода и лопи, а также крещением последней. Христианизация лопи сопровождалась «вписыванием» этого народа в историю Руси. Летописные известия позволяют локализовать лопь на Кольском полуострове: в районе рек Колы и Туломы, а также у мыса Святой Нос.

В целом благодаря материалам источников можно сделать вывод не только относительно территории проживания лопи. Топонимические, археологические и этнографические исследования проясняют проблему этнической принадлежности средневековой лопи. Топони-

мия Лопской земли, которая ограничивалась Кольским полуостровом, имеет по преимуществу саамское происхождение. Среди саамских топонимов следует упомянуть названия *Varzuga*, *Умба*, *Терь/Терский наволок*, *Бабино*, *Ловозеро*. Саамское происхождение имеет название реки и расположенного на ней погоста – *Кола* (*Kuol-jegge*) [8, с. 59]. Тем не менее саамская топонимия представлена гораздо шире: она отмечается в бассейнах рек Оять, Водла, Онега, Северная Двина и Мезень. К началу XVI века лопь фиксируется источниками преимущественно на Кольском полуострове и побережье Белого моря. Это вполне вписывается в основную тенденцию этнической истории саамов – миграцию на Север [4, с. 312].

По данным лингвистов и этнографов, Кольский полуостров – один из естественных ареалов проживания саамов на территории России. Здесь выделяются различные диалекты саамского языка: нотозерский (северо-запад Кольского полуострова), бабинский (в окрестностях оз. Имандра), кильдинский (центральная часть Кольского полуострова) и иокангский (восточная часть полуострова). Поселение Ловозеро, известное по грамотам 1517 года, в настоящее время является крупным саамским населенным пунктом [3, с. 49, 57]. Об интерпретации лопи как саамов говорит и то, что в настоящее время норвежцы называют саамов как *finnlar*, шведы – *lapp*, финны и карелы – *lappi/lappalainen* [1, с. 39].

В северной Карелии и Беломорье археологами зафиксированы культовые и хозяйственные памятники саамов [12, с. 77–80]. Это могли быть скалы антропоморфного вида, сейды и лабиринты. Сейды состояли из большого валуна-основы с подведенными под него снизу или положенными сверху небольшими камнями. Деревянные сейды имели вид врытых корнями вверх деревьев или столбов. Лучше прочих изучены сейды на Кузовах – архипелаге из 15 небольших островов на полпути между устьем р. Кемь

---

³³Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова (публикация Е.Л. Конявской) // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. С. 375.

³⁴Там же. С. 346.

и Соловецкими островами. Лабиринты – это сложные конструкции из множества камней, выложенных в виде сходящихся к центру дорожек. На Белом море их отмечено около 40. Многочисленные конструкции из камня известны на Соловецких островах [13]. Период использования памятников на Кузовах и Соловках завершается временем возникновения и раннего становления Соловецкого монастыря. Известно, что у саамов Кольского полуострова культ сейдов сохранялся в начале XX века [14].

Таким образом, есть основания считать, что под *лопью* в русских средневековых источниках подразумевались саамы, населявшие северные

территории Новгородской земли. Существовало разделение на «дикую» и «лешую» лопь: если «дикая лопь» проживала на Кольском полуострове, то «лешая» – по рекам бассейна Белого моря. *Лопью* также могли именоваться земли, населенные саамами. Известно, что Лопской землей назывался Кольский полуостров. Во второй четверти XVI века активизировалась миссионерская деятельность Великого Новгорода среди саамов: в 1530/1531 году состоялось крещение некоторых представителей лопи Кольского полуострова. Процесс христианизации лопи сопровождался «вписыванием» этого народа в древнюю историю Руси.

Список литературы

1. Керт Г.М. Гл. 1. Общие сведения // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 39–42.
2. Керт Г.М. Гл. 2. Этногенез саамов // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 43–48.
3. Керт Г.М. Гл. 3. Саамский язык // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 49–57.
4. Жуков А.Ю. Саамы в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментариев) // Антропол. форум. Современ. тенденции в антропол. исслед. 2004. № 1. С. 298–322.
5. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада / рук. авт. коллектива А.Л. Шапиро. Л.: Наука, 1978. 221 с.
6. Шахнович М.М. «Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии // Кольский сборник. СПб.: Элексис Принт, 2007. С. 228–246.
7. Деревня Юккогуба и ее округа / отв. ред. В.П. Орфинский. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 2001. 432 с.
8. Керт Г.М. Саамская топонимная лексика: моногр. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2009. 179 с.
9. Ширококов И.Г., Шахнович М.М. Антропологический состав позднесредневекового населения Терского берега Белого моря (по материалам раскопок некрополя Свято-Никольской церкви с. Варзуга) // Зап. Ин-та ист. матер. культуры. 2013. № 8. С. 193–202.
10. Темушев С.Н. Летописные представления о даннической зависимости от Руси периферийных финно-угорских племен // Древ. Русь. Вопр. медиевистики. 2017. № 3(69). С. 135–136.
11. Смирнова Д.Д. К публикации послания Новгородского архиепископа Макария (1542–1551) к новопросвещенным лопяном // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2014. Вып. 1. С. 154–159.
12. Шумкин В.Я., Колтаков Е.М., Мурашкин А.И. Исследования Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в Мурманской области (район Териберской губы Баренцева моря) // Зап. Ин-та ист. матер. культуры. 2009. № 4. С. 77–80.
13. Манюхин И.С. Культурные места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 125–135.
14. Кошечкин Б.И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 118–124.

References

1. Kert G.M. Gl. 1. Obshchie svedeniya [Ch. 1. General Information]. Klement'ev E.I., Shlygina N.V. (eds.). *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [The Finnic Peoples of Russia]. Moscow, 2003, pp. 39–42.
2. Kert G.M. Gl. 2. Etnogenez saamov [Ch. 2. Ethnogenesis of the Sami People]. Klement'ev E.I., Shlygina N.V. (eds.). *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [The Finnic Peoples of Russia]. Moscow, 2003, pp. 43–48.
3. Kert G.M. Gl. 3. Saamskiy yazyk [Ch. 3. The Sami Language]. Klement'ev E.I., Shlygina N.V. (eds.). *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [The Finnic Peoples of Russia]. Moscow, 2003, pp. 49–57.
4. Zhukov A.Yu. Saami v XIII–XVII vv. (publikatsiya istochnikov i kommentariy) [The Sami People in the 13th – 17th Centuries (Publication of Sources and Comments)]. *Antropologicheskiiy forum. Sovremennyye tendentsii v antropologicheskikh issledovaniyakh*, 2004, no. 1, pp. 298–322.
5. *Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii XVI veka. Sever. Pskov. Obshchie itogi razvitiya severo-zapada* [Agrarian History of the North-West of Russia in the 16th Century. The North. Pskov. General Results of the Development of the North-West]. Leningrad, 1978. 221 p.
6. Shakhnovich M.M. “Lop” i “loparskie” pamyatniki Severnoy i Zapadnoy Karelii [The Lapps and Lapp Monuments in North and West Karelia]. *Kol'skiy sbornik* [The Kola Collection]. St. Petersburg, 2007, pp. 228–246.
7. Orfinskiy V.P. *Derevnya Yukkoguba i ee okruga* [Jukkoguba Village and Its Districts]. Petrozavodsk, 2001. 432 p.
8. Kert G.M. *Saamskaya toponimnaya leksika* [Sami Toponymic Lexicon]. Petrozavodsk, 2009. 179 p.
9. Shirobokov I.G., Shakhnovich M.M. Antropologicheskiiy sostav pozdnesrednevekovogo naseleniya Terskogo berega Belogo morya (po materialam raskopok nekropolya Svyato-Nikol'skoy tserkvi s. Varzuga) [Anthropological Composition of the Late Medieval Population of the Tersk Coast, the White Sea (with Particular Reference to the Materials from Necropolis of the Saint Nicolas' Church at the Village of Varzuga)]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury*, 2013, no. 8, pp. 193–202.
10. Temushev S.N. Letopisnye predstavleniya o dannicheskoy zavisimosti ot Rusi periferiynykh finno-ugorskikh plemen [Tributary Dependence of Peripheral Finno-Ugric Tribes on Rus' as Reflected in the Chronicles]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2017, no. 3, pp. 135–136.
11. Smirnova D.D. K publikatsii poslaniya Novgorodskogo arkhiepiskopa Makariya (1542–1551) k novoprosveshchennym lopyanom [On the Publication of the Address of Novgorod Archbishop Macarius (1542–1551) to the Newly Converted Lapps]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriya i filologiya*, 2014, no. 1, pp. 154–159.
12. Shumkin V.Ya., Kolpakov E.M., Murashkin A.I. Issledovaniya Kol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN v Murmanskoy oblasti (rayon Teriberskoy guby Barentseva morya) [Research of the Kola Archaeological Expedition, Institute for the History of Material Culture, RAS, in the Murmansk Region (the Gulf of Teriberka, Barents Sea)]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury*, 2009, no. 4, pp. 77–80.
13. Manyukhin I.S. Kul'tovye mesta saamov v Karelii [Sami Places of Worship in Karelia]. Klement'ev E.I., Shlygina N.V. (eds.). *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [The Finnic Peoples of Russia]. Moscow, 2003, pp. 125–135.
14. Koshechkin B.I. Drevnie religioznye predstavleniya i obryady kol'skikh saamov [Early Religious Ideas and Rites of the Kola Sami]. Klement'ev E.I., Shlygina N.V. (eds.). *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [The Finnic Peoples of Russia]. Moscow, 2003, pp. 118–124.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.26

Boris I. Chibisov

Tver State University;
ul. 2-ya Griboedova 24, Tver, 170021, Russian Federation;
e-mail: Chibisov.BI@tversu.ru

THE LAPP POPULATION OF THE NOVGOROD LAND IN THE 15th – FIRST THIRD OF THE 16th CENTURIES

An important source on the history of the Lapp population of the Novgorod Land are the charters of Grand Prince Vasily III Ivanovich, dated July 7025 (1517). These charters regulate tribute collection in the Lapp Land, which was located on the Kola Peninsula and on a small part of the Scandinavian Peninsula. Among the population of the Lapp Land, mostly Lapps were mentioned. By the early 16th century, the Lapp Land was divided into pogosts and, according to cadastres, its population was paying taxes. The charters restrained the activities of tribute collectors: they were prohibited from selling their goods in the Lapp Land, fishing and hunting in the Lapp grounds, or using horses and vehicles belonging to the Lapps. The restriction on the use of the Lapp grounds had, apparently, to do with the increasing number of land domains owned by the Slavs and Karelians on the White Sea coast and on the Kola Peninsula, as evidenced by the 15th-century acts of the Onega Lake region. A combination of linguistic, archaeological and ethnographic sources allows us to conclude that the term “Lapp” designated a specific ethnic group, the Sami. They were divided into “forest Lapps” and “wild Lapps”: the former inhabited the territories along the rivers of the White Sea basin, while the latter lived on the Kola Peninsula. Meanwhile, the term “Lapp” was used in reference not only to the ethnic group but also to the territories around the White Sea basin populated by the Sami.

Keywords: *Novgorod Land, Lapp Land, Baltic Finns, interethnic relations, Sami, Lapps, Laplanders, cadastres.*

Поступила: 10.11.2017

Принята: 20.04.2018

Received: 10 November 2017

Accepted: 20 April 2018

For citation: Chibisov B.I. The Lapp Population of the Novgorod Land in the 15th – First Third of the 16th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 4, pp. 26–35. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.26